

«Осень»

Осень была любимым временем для Пушкина и была временем особенного развития его творческой деятельности вообще. Она приносила ему нравственное спокойствие, равновесие всех сил, необыкновенную бодрость мысли. На севере он радовался туманной и дождливой осени и боялся сухой и светлой, как предательницы, которая влечет к прогулкам и рассеянности. Оттого-то так хороши описания осени у Пушкина, как в приведенном отрывке, так и в других лирических произведениях. Особенно замечательна из них элегия «Осень» (1833), поражающая своими живыми красками и звучным, величавым течением стиха:

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает,
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

...

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

...

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн...

Белинский замечает по поводу этого стихотворения:

«Что для прежних поэтов было низко, то для Пушкина было благородно; что для них была проза, то для него была поэзия. Осень для него лучше весны или лета, и, читая стихотворение “Осень”, вы не можете не согласиться с ним, по крайней мере, на то время, пока не увидите его же картины весны и лета».

Последние строфы этого превосходного, но, к сожалению, не оконченного стихотворения представляют тонкое изображение самого процесса поэтического вдохновения, которое, в самые тяжелые для поэта минуты, давало ему то высокое наслаждение, о котором он говорит в стихотворении «Безумных лет угасшее веселье»:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

...

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

По Е. Воскресенскому

Одним из чудесных пейзажных стихотворений Пушкина является отрывок «Осень». Известно, что из всех времен года Пушкин больше всего любил осень. Она обычно создавала у него творческий подъем. Великий реалист в этом стихотворении не только передал свои переживания творческого подъема, но нарисовал типичную картину русской осени, согрев эту картину чувством глубокого понимания ее красоты.

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

В памяти читателя навсегда остается эта картина золотой осени, с ее грустным светом солнца, чуть блещущим на желтой листве, печальным шумом лесов, хмурым небом, откладывающими отпечаток грустного увядания на недавно пышно и могуче жившую природу.

Это не только типичная картина русской осени, но в то же время благородная картина, ибо Пушкин уловил красоту природы в «багрец и золото одетых лесах» и передал ее человеку. Эту прекрасную, осязаемую картину природы нельзя было рисовать мертвым, условным языком. Он не передавал прелести увядания, не улавливал необходимых живых красок, оттенков; этот язык, принося с собою абстрактные образы, мифологические имена, ничего конкретного не мог сказать о русской осени, ибо в русской осени нет ничего похожего на греческую мифологию. В ней есть шум лесов, есть меркнувшее солнце, хмурое небо, желтые опадающие листья деревьев. Здесь необходим был богатый, гибкий живой русский язык. В стихе Пушкина русский язык выявил все свои качества, оказался столь гибким и многозначным, что при помощи его можно было отметить самые тонкие черты и явления увядающей русской природы. И прав был Белинский, когда говорил, что «акустическое богатство, мелодия и гармония русского языка в первый раз явилась во всем блеске в стихах Пушкина».

По М. Ледневу

В ряду лирических произведений Пушкина замечательны те, в которых он дает картины природы. Поэт созерцает природу замечательно верно и живо и таковой рисует ее. Природа для Пушкина была полна невыразимого, хотя и безмолвного очарования живой картины. Не только величественные, но и самые обыкновенные картины природы описаны у поэта с неподражаемым искусством и производят сильное впечатление. Таково стихотворение «Осень», написанное поэтом в 1830 году. В этом произведении русская осень обрисована отчасти чертами, свойственными ее природе, отчасти впечатлениями, какие она производит на душу всякого русского человека вообще, и Пушкина в частности. В описании осени все необыкновенно просто, естественно, и в то же время все необыкновенно красиво, близко сердцу, привлекательно. Самые обыкновенные явления природы: опадающий лист, свежий осенний ветер, серое небо, бегущие тучи и наступающие морозы — в описании у Пушкина получают поэтический смысл; они являются

выражениями деятельности вечно творческой и прекрасной природы. При таком настроении поэта проза этих явлений исчезает. На их месте рисуется:

...пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса...

Одним словом, осенняя пора представляется Пушкину «очей очарованьем».

Задача этого стихотворения заключается не в описании особенностей, свойственных осени, а в том, чтобы поделиться тем обновлением, перерождением всего своего существа, какое поэт чувствует под влиянием осени. Осенью поэт как бы «расцветает вновь» и физически, и духовно. Вместе с осенью к поэту возвращаются его любимые думы и мечты. Поэт охотно предается им, снова переживает их. Душу поэта посещает поэтическое вдохновение, и напряжение душевных сил достигает высшей степени и выливается в поэтическом творчестве. Стихотворение заканчивается картиной поэтического творчества. По трудности задачи и по красоте выражения данное стихотворение может служить образцом высоких и прекраснейших творений:

И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

По Б. Майкову

Для анализа стихотворения «Осень» (1833) обратимся к биографической справке.

1833 год — одна из «малых» болдинских осеней. Поэт только что возвратился из поездки в Казань — Симбирск — Оренбург. С 1 октября он в Болдине. Идет напряженная работа над «Историей Пугачева», в эти же дни создается «Медный всадник».

Обратимся к эпиграфу «Осени». Он взят из стихотворения Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807). В отрывке из этого стихотворения говорится о том, как проводит он (Державин) вечер на лоне сельской тишины:

...И в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;
Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

«Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?» — вот отправная точка, от нее идет мысль и воображение поэта в «Осени». Только восприятие всего многообразия жизненных наблюдений, отраженных в раздумьях «Осени», у Пушкина совсем не державинское.

Попытаемся раскрыть тематическое, идейное и художественное богатство стихотворения.

Первая строфа — реалистическая картина осени. Реализм «Осени» не только в правдиво переданных наблюдениях жизни природы, но и в определенных рамках места и времени: это русская осень, русская усадьба и русская деревня. Следует отметить, что описание осени необычайно «предметно», точно. Поэт отбирает наиболее существенные

явления и создает картину полную и выразительную. Примером этой точности служит хотя бы такая деталь: «журча еще бежит за мельницу ручей, но пруд уже застыл...».

«Сосед мой поспешает в отъезд поля с охотой своей, и страждут озими от бешеной забавы...» На мгновение возникла мысль о крепостной деревне, о взаимоотношениях помещика и крестьянина. Поэт, отбирая явления, не обходит и социальных противоречий.

Стих «Осени» — шестистопный, «длинный» ямб; в нем много пропусков ударений (часты пиррихии). Это придает ему эпически спокойный тон и замедленный темп движения. Наряду со словами обычной разговорной речи — *сосед, мельница, бежит ручей, лай собак* — в этой строфе встречаются и славянизмы — *хлад, страждут*, и слова высокого литературного ряда — *листы* (а не *листья*), *нагие ветви, отряхает*. Это придает описанию несколько приподнятый тон.

Во второй строфе мысль поэта обращается к своему восприятию различных времен года и жизненным впечатлениям, связанным с ними.

...я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен...

Обращение к своему, личному вносит нечто новое в стих и лексику. Мерный ритм первой строфы сменяется несколько убыстренным ритмом, благодаря появляющимся спондеям (двухсложная стопа с дополнительным ударением):

Вонь, грязь..., Кровь, бродит...

В лексике — слова «низкого» ряда. Но вот вслед за краткой характеристикой не любимой весны мысль обращается к зиме, к воспоминаниям о «легком беге саней». Эти строки на мгновение вызывают тему любви:

Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

Следующая строфа развивает тему радостных жизненных зимних впечатлений — катание на коньках, зимние праздники. Бодрый, жизнерадостный, и по отношению к самому себе, несколько иронический тон:

...Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль **киснуть** у печей за стеклами двойными.

Неожиданное сочетание «Армидами» и «киснуть» — характерное для Пушкина столкновение слов самой различной эмоциональной окраски — вызывает улыбку и придает остроту дружескому разговору в стихах.

В IV строфе в описании лета сохраняется тот же характер живого разговора:

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.

В начале стихотворения был «задан» высокий поэтический тон. В дальнейшем личная тема привела к сниженной лексике. Однако основной тон поддерживался высокопоэтическими образами (например, «бег саней» с подругой, «когда под сободем, согрета и свежа, она вам руку жмет»), и этот поэтический характер речи не портит упоминание о «комарах», да «мухах».

В V и VI строфах поэт возвращается к описанию осени, следует развернутое сравнение поздней осени с «чахоточной девой». Таким образом, замкнулся цикл строф, в которых дано поэтическое изображение русской осени, начатое I строфой. И снова меняется тон речи. Уже нет «вольностей», встречавшихся в предшествующих строфах. По характеру лексики и фразеологии VII строфы, по несколько замедлившемуся опять ритму эта строфа тесно примыкает к I строфе.

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса...

Стоит обратить внимание на «колдовство» звуками. Здесь опора на гласные *у, ы, а*, и этот ассонанс придает протяжный и несколько унылый характер стиху, а рядом — аллитерация, сочетание «очей очарованье» усиливает музыкальную инструментовку стиха. Дальше — знаменитый по своей живописности образ:

Люблю я пышное природы увяданье,
В **багрец** и в **золото** одетые леса, —

вызывающий зрительные впечатления. Лаконично и выразительно передает поэт признаки поздней осени за красками увядающего леса — «ветра шум», и небеса, покрытые «мглой волнистою», и редкое солнце, и первые морозы. Дана яркая, законченная картина осени.

В VIII строфе поэт вновь обращается к своим ощущениям и переживаниям:

И с каждой осенью я расцветаю вновь...

Бодростью и радостью жизни веет от этой строфы.

К привычкам бытия вновь чувствую любовь...

Снова меняется тон речи, появляется подчеркнуто прозаическая рифма:

Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

В IX строфе, заканчивая тему «впечатлений бытия», поэт еще раз блеснет удивительно тонко подмеченной и превращенной в художественный образ деталью:

И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед...

И в этой же IX строфе переход к новой теме — теме поэтического творчества и судьбы поэта (IX, X, XI и XII строфы).

Тема поэта и поэзии ставится здесь как живая, образная картина психологического состояния поэта в минуты пробуждения вдохновения, в едва уловимые моменты зарождения поэтических созданий.

...в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.
И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...

Отбор слов очень точно выражает состояние поэта в начале его поэтического труда. Поэзия рождается из многообразного, бесконечного ряда ощущений, наблюдений, размышлений, переживаний, из самой жизни. Вот слова, выражающие то, что происходит в душе поэта: «воображеньем», «стесненьем» души «лирическим волненьем», стремление «излиться, наконец, свободным проявленьем», мысли «волнуются в отваге и рифмы легкие навстречу им бегут». Поэтический замысел возникает не как абстрактная идея, а сразу в образной форме. Такова природа поэтического мышления. Форма рождается одновременно с содержанием — органическое единство того и другого отражено в этом образе.

Изображение душевного состояния поэта в минуты творческого вдохновения заканчивается строкой:

Минута — и стихи свободно потекут.

Далее следует развернутое сравнение с кораблем, громада которого «двинулась и рассекает волны». И вдруг — неожиданное окончание:

Плывет. Куда ж нам плыть?..

Что значит эта незаконченная строка? Остановилась ли мысль перед неисчерпаемым многообразием тем и образов, возникающих в воображении поэта, и он не знает, что выбрать из этого богатства для претворения жизни в поэзию?

Общий ход поэтической мысли приводит к этому мнению, тем более что последняя (XII) строфа, доведенная в черновике до 6-го стиха, говорит, как будто, об этом же:

Ура!.. куда же плыть?.. какие берега
Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный,
Иль опаленные Молдавии луга,
Иль скалы дикие Шотландии печальной,
Или Нормандии блестящие снега,
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный.

Но приведенные строчки зачеркнуты. И, вероятно, не только потому, что после поэтического обзора всех «впечатлений бытия» русской жизни в предыдущих октавах поэт не хотел обращаться к темам, связанным с другими странами.

Изображение творческого труда в его начальной стадии, данное в X и XI строфах, могло привести мысль поэта и к вопросу о возможности «свободного проявления» «стесненной лирическим волнением души» в реальных условиях русской жизни. И тогда заканчивающий стихотворение вопрос принимает другой смысл: в нем отражена мучившая поэта именно в эти годы необходимость соизмерять свои творческие замыслы и порывы с возможностью их «свободного проявления», осуществления. Перед нами поэт 30-х годов XIX века в условиях николаевской России. «Историю Пугачева» придется назвать «Историей Пугачевского бунта». «Медный всадник» будет лежать, его нельзя напечатать... Подлинный художник должен в ничем не скованном вдохновении создавать произведения высоких мыслей и высоких идей. Пушкин всегда отстаивал свободное поэтическое творчество, противопоставляя его «кропанью мадригалов» сильным мира сего.

Аргументом для такого толкования смысла стиха, обрывающего «Осень», может послужить то обстоятельство, что почти одновременно с «Осенью» были написано потрясающее по своей трагичности стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума...», в котором ставится тема свободы творчества.

Таким образом, одной из основных тем «Осени» является творчество поэта и судьба его творений. В «Осени» возникает образ поэта, раздумывающего над жизнью и творчеством, образ человека, глубоко чувствующего жизнь, любящего ее, черпающего из нее свои творческие силы.

Стихотворение написано шестистопным ямбом, «длинным», сложным метром. В некоторых строфах значительное количество пиррихий, что облегчает стопу и способствует тону спокойного раздумья. В других строфах появляется иногда спондей, нарушающий ямб стяжением ударений, что перебивает метр стиха, вносит в него оживление.

Строфа «Осени» — октава с характерной для этой строфы системой рифмовки (абабавв). На 8 стихов всего три рифмы, что усиливает слитность в единое целое всех стихов строфы.

Для зрелого Пушкина (и в 1830-е годы это проявляется особенно заметно) характерны постоянные поиски в направлении расширения метрических и ритмических возможностей русского стиха.

«Осень» показывает большое мастерство поэта в использовании октавы. В дальнейшей разработке пушкинских традиций не один поэт применял эту «трудную» строфу.

По К. Лахостскому

Стихотворение «Осень» — это настоящая живопись в словах, точная реалистическая картина природы и в то же время своеобразная авторская исповедь. Изумительно дано сочетание картин природы и лирических настроений поэта.

Первые девять строф дают картины природы в разное время года, но преимущественно осенью, в любимую Пушкиным пору. Стихотворение разворачивается как непринужденная беседа поэта с читателем. На основе этой разговорно-беседной мелодии применены разнообразные интонации в соответствии с содержанием той или иной строфы. Так, спокойная повествовательная интонация первой строфы, в которой нет авторского «я», сменяется в следующих строфах лирически или иронически окрашенным тоном, в зависимости от отношения поэта к рассказываемому. Трогательно звучат, например, пятая и шестая строфы, посвященные описанию умирания природы поздней осенью:

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

Здесь речь поэта приобретает более интимный, душевный оттенок; появляется прямое обращение к читателю, подбираются трогательные сравнения.

Общий тон беседы, дружески-простой и медлительной, поддерживается шестистопным ямбом и своеобразной рифмовкой: первые четыре строки имеют перекрестную рифму, пятая и шестая совсем не имеют рифмы, а седьмая и восьмая строки связаны смежной рифмой — в нечетных строфах — женской, а в четных — мужской.

По С. Флоринскому